

УДК 78.071.1

**МОСКОВСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ
И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.Н. СКРЯБИНА****Рощина Е.Е.***Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, институт музыки, театра и хореографии, Санкт-Петербург, e-mail: yulia.soprano@gmail.com*

Статья посвящена рассмотрению педагогической деятельности А.Н. Скрябина в стенах Московской консерватории. Письма композитора позволяют выявить особенности преподавания курса специального фортепиано. Высказывания современников проливают свет на специфику оценочной системы студентов, которой придерживались коллеги А.Н. Скрябина. Как можно увидеть из переписки композитора, в частности из писем к М.П. Беляеву, он очень ответственно относился к процессу обучения, тщательно прорабатывал со своими учениками выбранные произведения. Большое значение для современной педагогики имеет подход А.Н. Скрябина к составлению учебного репертуара. Принципиальность композитора в вопросах оценивания студентов также заслуживает отдельного пристального изучения. Данная статья призывает к углубленному изучению переписки композитора, так как это позволит не только полнее погрузиться в мир фортепианной музыки мастера, но и поможет в современном образовательном пространстве наладить процесс обучения студентов. Фрагменты писем учеников, в частности М.К. Морозовой, свидетельствуют о глубоком профессионализме композитора, а также проливают свет на особенности исполнительского мастерства А.Н. Скрябина. Влияние магнетической личности композитора на современников отразилось на формировании целой плеяды талантливых пианистов – последователей гениального пианиста и композитора А.Н. Скрябина.

Ключевые слова: А.Н. Скрябин, Московская консерватория, А. Горвиц, РМО, В.И. Сафонов**MOSCOW CONSERVATORY AND PEDAGOGICAL ACTIVITY OF A.N. SKRYABIN****Roschina E.E.***Russian State Pedagogical Herzen University, Institute of Music, Theater and Choreography, St. Petersburg, e-mail: yulia.soprano@gmail.com*

The article is devoted to the specific of the pedagogical activity of A.N. Scriabin in the walls of the Moscow Conservatory. Letters, written by the composer in this period, allow to reveal the peculiarities of teaching the course of a special pianoforte. Some of the phrases of contemporaries spread light on the specifics of the evaluation system of students, which adhered to colleagues A. Scriabin. We can see from the composer's correspondence, in particular from letters to M.P. Belyaev, he felt responsible for the learning process, he carefully studied the selected works with students. The great importance for modern pedagogy is the approach of A.N. Scriabin to the compilation of the educational repertoire. Principle of the composer in matters of student evaluation also deserves a separate study. This article calls for an in-depth study of the composer's correspondence, since this will not only fully immerse himself in the piano music world of the master, but also help in the modern educational space to establish the process of teaching. Fragments of the students' letters, in particular, M.K. Morozova, testify to the composer's profound professionalism, also shed light on the peculiarities of A. Skryabin's performing skills. The influence of the composer's magnetic personality on contemporaries was reflected in his students – talented pianists and followers of the genius of A.N. Scriabin.

Keywords: A.N. Skryabin, Moscow Conservatory, A. Horowitz, RMO, V.I. Safonov

В 1898 г. В.И. Сафонов приглашает в Московскую консерваторию педагога на должность профессора консерватории по классу фортепиано, освободившуюся после смерти П.Ю. Щлецера. 1 августа 1898 г. Сафонов пишет профессору И.В. Гржимали о молодежи, окончившей Московскую консерваторию, обсуждая возможные кандидатуры. Среди выпускников есть несколько талантливых людей пока «еще незрелых», но «пригодных на место профессора в будущем» [1, с. 199]. Решение Сафонова пригласить на должность профессора Московской консерватории 26-летнего Скрябина вызвало в среде профессоров и преподавателей консерватории ироническое отношение и недоумение. Сафонов «фуксом провел юношу Скрябина в профессора!» [1, с. 200], рассказывал Н.Ф. Финдейзену профессор

С.В. Смоленский. Как показал дальнейший ход событий, молодой начинающий композитор полностью оправдал возложенные на него надежды и за недолгий срок преподавания в стенах Московской консерватории воспитал плеяду ярких профессионалов. Цель статьи: изучение переписки периода педагогической деятельности композитора для выявления особенностей преподавания курса специального фортепиано.

Понимая, что работа в консерватории потребует много времени, необходимого для композиторской деятельности, и зная отношение к своему назначению профессором, Скрябин обратился за советом к М.П. Беляеву: «Прежде всего попрошу тебя посоветовать мне в очень важном деле. Василий Ильич приглашает меня в консерваторию профессором фортепиано со все-

возможными льготами. Я буду иметь только 12 учеников (старших курсов), то есть 12 часов в неделю; гонорар 1200 рублей. Я думаю, что это не может быть помехою занятиям композицией. Во всяком случае я принимаю это обязательство на год, или даже до мая текущего сезона, так что не буду чувствовать себя связанным. Конечно, все-таки перспектива давания фортепианных уроков меня пугает, и, если бы не порядочный гонорар, я ни за что не согласился бы на это. Теперь же это для меня имеет очень важное значение. Напиши, пожалуйста, поскорее твое мнение и никому пока об этом не говори» [1, с. 199].

М.П. Беляев писал Скрябину о предполагаемой работе в консерватории: «Ты мне задаешь трудную задачу: решить отсюда, принимать ли тебе предложение Василия Ильича? Ты ведь знаешь, что я всегда был за определенные занятия, налагающие на человека известные обязанности и приучающие его к известному порядку. [...] А вот вопрос – в каком состоянии твое здоровье? т.е. можешь ли ты без ущерба для него принять на себя обязанности профессора при Консерватории? Этого я отсюда решать не могу, так как давно тебя не видел, и потому решать весь вопрос придется все-таки тебе самому» [1, с. 200].

С осени 1898 по 1903 год А.Н. Скрябин преподает в Московской консерватории по классу фортепиано. Параллельно композитор продолжает активно сочинять, его произведения приобретают все большую популярность. «Кусевицкий замыслил в то время провести цикл концертов из произведений Скрябина» [2, с. 209]. Скрябин работает над новыми сочинениями, хотя занятия в консерватории мешают композиторскому творчеству. «О себе ничего хорошего написать не могу, – сообщает он Беляеву 18 февраля 1899 г., – все время скриплю, что не мешает мне заниматься довольно много. Оконченного пока еще ничего нет, кроме маленького Andante для струнного оркестра, это я пришлю вместе с чем-нибудь другим. Консерватория, конечно, все-таки мешает заниматься, главное, мешает сосредоточиться. Слишком много слушаешь разной музыки» [1, с. 214].

В своем классе с учениками Скрябин проходил большой репертуар – произведения Баха, Моцарта, Бетховена, Листа, Шопена, Шуберта, Шумана, Чайковского, Аренского, Грига и других композиторов. Об этом свидетельствуют программы ученических концертов и выпускных экзаменов учеников класса Скрябина, отраженные в протоколах Художественного совета Московской консерватории за 1898–1903 гг.

Весной 1898 г. Скрябин пишет прелюдию «Мечты» и завершает цикл из девяти мазурок (ор. 25).

5 декабря 1898 г. в Петербурге под управлением Н.А. Римского-Корсакова состоялось первое исполнение прелюдии «Мечты» в Русском симфоническом концерте. «После чая Римский-Корсаков проигрывал по партитуре e-moll'ный прелюд Скрябина, который будет исполняться в Беляевском концерте. Прелюд оказался очень милой, пикантно гармонизованной вещицей, к тому же недурно инструментованной» [3, с. 142] – писал В.В. Ястребцев в воспоминаниях о Н.А. Римском-Корсакове.

12 марта 1899 г. состоялось восьмое симфоническое собрание Московского отделения РМО. В отчете Московского отделения РМО за 1898–1899 гг., зафиксирована программа концерта:

1. Бетховен. Третья симфония.
2. Скрябин. «Мечты» ор. 24 (в первый раз).
3. Глазунов. Концертный вальс ор. 47 (в первый раз).
4. Вьетан. Четвертый концерт для скрипки с оркестром.
5. Соловьев. Отрывки из оперы «Корделия».

В 1899 г. в «Русских ведомостях» № 73, в связи с первым исполнением прелюдии «Мечты» в Москве, Ю. Д. Энгель писал, что первое чисто симфоническое произведение композитора по характеру похоже на его небольшие фортепианные пьесы. Прекрасно инструментовано, отлично звучит, имело успех у слушателей и было повторено.

В консерватории начинается пора экзаменов, где Александру Николаевичу, помимо занятий с учениками, приходится ассистировать на экзаменах: «Я переживаю самое неприятное время, сижу ассистентом на экзаменах по 8–9 часов в день, кроме того, готовлю своих учеников к экзамену, назначенному на 22[-е]» [1, с. 216].

В Московской консерватории Скрябин ассистировал на экзаменах 29 апреля, 1, 4, 11 и 18 мая 1899 г., о чем свидетельствуют экзаменационные ведомости с подписью Скрябина и экзаменаторов.

Первый год преподавания показал, что в его лице консерватория приобрела не только выдающегося музыканта, но и талантливый педагога.

Профессор Венской консерватории П.Л. Кон, прибывший по просьбе Сафонова присутствовать на экзаменах в Москве, писал С. П. Бартеневу: «Скрябин пригласил меня к себе в класс выслушать его учениц, и я с большим удовольствием пробыл 4 часа, убедаясь в том, что он солидный педагог и ведет свое дело с большим знанием и любовью. Я почти уверен,

что он лучший профессор Московской консерватории» [1, с. 217].

«Сегодня вечером иду на генеральную репетицию моего экзамена, имеющего быть в 9 часов утра» [1, с. 217]. Весной 1899 г. по классу Скрябина заканчивает консерваторию Н.Г. Маргарити. Программа выпускного экзамена состояла из следующих произведений: Григ «Концерт для фортепиано с оркестром» I часть; Бах «Прелюдия и fuga» *dis-moll* из II т. «Хорошо темперированного клавира»; Шопен «Экспромт» *As-dur*; Лядов «Мазурка»; Шуберт «Музыкальный момент» *cis-moll*.

«Не знаю, останусь ли жив к концу мая. Каждый день экзамены, иногда с 9 утра и до 7 вечера, кроме того нужно готовить свой класс» [1, с. 229]. Весной 1900 г. Скрябин в качестве ассистента принимал участие в экзаменах учеников консерватории. В классе самого композитора в учебном 1899/1900 г. был 21 ученик. Пять из них в этом году окончили консерваторию.

В это же время Скрябин преподавал в женском Екатерининском институте (Московское училище ордена св. Екатерины) в Москве.

«В то время профессором консерватории по классу фортепиано был знаменитый Александр Николаевич Скрябин. [...] Будучи профессором фортепиано в Екатерининском институте [...] и устраивая там концерты для учащихся института, Александр Николаевич часто приглашал меня для выступления. [...] В концерте, на котором присутствовали учащиеся и весь персонал института, Александр Николаевич чудесно играл свои произведения, а затем аккомпанировал мне» [4, с. 58].

Скрябин много времени посвящает педагогической деятельности. Сохранившиеся протоколы консерватории 1901 г. свидетельствуют о длинном перечне дней присутствия на экзаменах Александра Николаевича Скрябина.

Из-за концерта, состоявшегося 5 марта 1902 г. в Москве, Скрябин пропустил занятия со студентами, о чем сообщает в своем письме от 18/31 марта 1902 М.П. Беляеву: «Эти 2 недели я очень занят: пропустил много уроков в консерватории, а у меня 9 человек кончат, так что пришлось с ними все время возиться. Кроме того начал сочинять, и много» [1, с. 260].

В 1901/1902 учебном году из класса Скрябина Московскую консерваторию закончили 6 человек, а не 9, как пишет об этом Скрябин: А. Лойко, А. Малиновская, М. Неменова, О. Эсаулова, А. Горовиц, Ю. Померанцев.

Скрябин искренне переживал результаты экзаменов своих учеников, о чем свиде-

тельствует письмо, написанное В.И. Скрябиной от 25 мая/7 июня 1902 г. «...пишу тебе на другой день после экзамена в довольно неприятном расположении духа, и вот почему. Экзамен сошел действительно блестящим образом; ученички мои играли один другого лучше. Только Померанцев забывал 2 раза свою фугу и брал довольно много фальшивых нот – остальные были безукоризненны. Горовиц сыграл концерт Листа, как опытейший виртуоз. Малиновская и Неменова прямо очаровали все собрание. Про Неменову я слышал кругом самые восторженные отзывы. Но, конечно, самым видным виртуозом оказался все-таки Горовиц, и я не сомневался ни на минуту, что ему будет присуждена золотая медаль.

Представь себе мое удивление и гнев, когда вечером на совете присуждаются золотые медали Неменовой и Малиновской, а Горовиц остается почему-то за флагом. Я страшно вспылал, вскочил со своего места и заявил, что совет действует несправедливо. Гржимали попробовал было обидеться, заметив, что нужно уважать мнение своих коллег и что он находится в таком же положении относительно своего ученика Белоусова, который, правда, тоже почему-то был обойден, но я его прервал, переведя разговор на чисто принципиальную почву и сказав, что от того мнения, которое ученики и публика имеют о непогрешимости суждения совета, зависит честь заведения. Сафонов присоединился ко мне, и мы стали оба склонять совет перебаллотировать медаль. Шишкин и, представь себе, Константин Игумнов уперлись, как ослы, ссылаясь на закон о невозможности перебаллотировки. Спор чуть не дошел до драки. Совет затянулся до 1 ночи. Мы должны были уступить, так как большинством голосов было решено вообще не перебаллотировать вопросов.

Относительно же раздачи медалей будет принят другой способ на будущее время, во избежание подобных недоразумений. Но мне от этого не легче, обидели моего Горовица, и я страдаю. Сейчас он приходил такой бедный, печальный. Я его утешил, как мог» [1, с. 262].

Письмо написано на следующий день после экзамена.

Конфликт, описанный Скрябиным, возникший из-за неприсуждения Горовицу золотой медали, не был отражен ни в протоколе заседания Художественного совета Московской консерватории от 24 мая 1902 г., ни в черновике этого протокола. В этом протоколе впервые в официальном порядке было зафиксировано заявление Скрябина уйти из числа профессоров консерватории.

Преподавание в консерватории отвлекло Скрябина от композиторской деятельности и занимало много времени. Весной 1902 г., с согласия М.П. Беляева, Скрябин подает просьбу об освобождении его от работы в Художественный совет и в дирекцию Московского отделения РМО.

В письме М. П. Беляеву от 26 марта/8 апреля 1902 г. Скрябин пишет: «Для меня наступила самая ужасная пора: в институте по вечерам экзамены 12 дней подряд (350 человек), в консерватории тоже много занятий, одним словом музыка от 2-х дня до 12-ти ночи. Ночью все-таки сочиняю: как нарочно, весной всегда приходит множество мыслей.

Василий Ильич все просит меня остаться еще на год – я ни за что не уступаю. Самое большое, что я могу сделать, – это оставить 3 ученика (300 рублей в год), которые меня стеснить не могут. Они должны кончать на будущий год и непременно желают кончать от меня» [1, с. 261].

В.И. Сафонов просил Скрябина не уходить из консерватории, не доведя своих учеников до окончания обучения. В 1902/1903 учебном году в классе обучалось 7 человек, а не 3, как намечал Скрябин. Согласие на уход Скрябина из консерватории было оформлено постановлениями Художественного совета Московской консерватории от 24 мая 1902 г. [1, с. 262] и дирекцией Московского отделения РМО от 30 мая 1902 г.

В 1903 г. Московскую консерваторию в классе А.Н. Скрябина окончили А. Матриди и А. Саренко.

Намерение уйти из консерватории зрело у композитора в течение длительного времени. Конфликт из-за Горовица стал толчком для его реализации, о чем свидетельствует письмо от 12/25 января 1902 к В.И. Скрябиной: «...сообщу тебе очень важную новость: Митрофан очень обрадовался, когда я заговорил о выходе из консерватории, берется меня обеспечить (200 рублей, а при нужде и больше обязательно, а если сочиню больше, то, разумеется, расплата по количеству сочинений). Он вполне согласен со мной, что мне нужно как можно скорее выходить и предаваться композиции» [1, с. 255].

«Выписка из счета А.Н. Скрябина», приложенная М.П. Беляевым к своему письму от 15 марта 1903 г., подтверждает, что Беляев аккуратно выполнял свои обязательства. В 1902 г. Скрябин получал авансами в счет будущих сочинений по 200 руб. в месяц.

В 1903 г. Скрябин прекращает педагогическую деятельность в Московской консерватории и музыкальных классах Екатеринбургского института, где в это же время

преподавали С.В. Рахманинов и А.Б. Гольденвейзер.

В ноябре 1903 г. А.Н. Скрябин получил письмо от своей ученицы М.К. Морозовой, которая предложила материальную помощь и выплачивала ежемесячную «пенсию» до конца 1908 г. по 200 рублей в месяц. Письмо, написанное М.К. Морозовой Скрябину в Петербург не сохранилось, но в письме В.И. Скрябиной к композитору от 8 ноября 1903 г. об этом есть упоминание: «На днях ты получишь одно замечательное письмо; о содержании его я знаю в общих чертах» [1, с. 294].

Материальная помощь была предложена для того, чтобы А.Н. Скрябин мог уехать за границу и заниматься композицией. Композитор решил, что за границей сможет найти лучшие условия для творческой работы, чем в России. С такими же целями в это же время выехали за границу С.В. Рахманинов, А.Т. Гречанинов и другие русские композиторы.

В дальнейшем М.К. Морозова неоднократно поддерживала Скрябина финансами для организации концертов (1905 г., Париж) и организовала счет на концертные выступления весной 1909 г. в Москве.

Педагогическая деятельность Александра Николаевича Скрябина, несмотря на кратковременность, оставила глубокий след в истории Московской консерватории. Музыкальная литература, на которой воспитывались исполнители того времени, делилась на две категории: учебно-педагогическую, включавшую технические упражнения и этюды, и концертный репертуар, в который входили сочинения мировой музыкальной классики. Студенты воспитывались в основном на педагогическом репертуаре невысокого художественного уровня. Немногие из них имели доступ к художественно полноценной литературе. Скрябин был первым, кто нарушил эту устоявшуюся традицию. Студентам своего класса он давал высокохудожественный репертуар в зависимости от их технической подготовки. Скрябин-педагог стремился развить художественно-творческое воображение и техническое мастерство студентов-исполнителей.

Никто из профессоров Московской консерватории не осмеливался до него на такой поступок. Следуя примеру Скрябина, многие педагоги стали нарушать эту традицию. В подборе репертуара студентам своего класса Скрябин проявлял безупречное художественное чутье и бескомпромиссность.

Скрябин высоко ценил внимание к себе своих учеников. Об этом свидетельствует письмо к М.К. Морозовой от 10/23 апреля

1907 г., в котором Скрябин пишет: «У меня к Вам маленькая просьба, дорогая Маргарита Кирилловна: если Вы увидите Веру Ивановну, то не откажите взять у нее бювар, поднесенный мне моими учениками, я им дорожу как воспоминанием» [1, с. 466]. Бювар зеленой кожи (ныне хранится в Государственном мемориальном музее Скрябина) с серебряной верхней доской, на которой в виньетке из растительного орнамента выгравирована дата концерта в Москве «5 марта 1902 г.», состоявшегося в Большом зале Благородного собрания (сохранился автограф черновика программы этого концерта ГММС, инв. № 9), был поднесен Скрябину его учениками по Московской консерватории в день симфонического концерта из произведений композитора. В бюваре картонная, обтянутая синим муаром вкладка, с вытесненной на ней серебром надписью: «Глубокоуважаемому Александру Николаевичу Скрябину от благодарных учеников и учениц: Краснодембская, Лойко, Макриди, Малиновская, Матковская, Неменова, Саренко, Сибилева, Станек, Тарбеева, Эсаулова, Горовиц, Жадовский, Златин, Померанцев, Эпштейн». Этот бювар лежал на письменном столе А.Н. Скрябина.

М.С. Неменова-Лунц на протяжении многих лет продолжала общение и занятия с А.Н. Скрябиным. В письме 3/16 августа 1907 г. к Л.В. Николаеву она сообщает: «Если бы ты знал, какая пишется 5-я соната, какие написаны прелюдии, как [...] играет и как он со мной занимается! [...] Последние вещи Скрябина начинают совершенно новый период, гармонии изумительные, формы оригинальные. «Поэма экстаза» переписывается для печати, этой зимой будет исполняться в Петербурге [...]. Я много играю, аккуратно беру у Скрябина уроки, прошла 12 его вещей, из них пока еще 2 ненапечатанных (выйдут в сентябре). Затем прошла Valse, Tausig Wahlstimmen, Humaresque Schumann, этюд и prelude Chopina. Я в таком восторге от его толкования, особенно Valse» [1, с. 475].

В это же время о своих занятиях с М.С. Неменовой-Лунц Скрябин пишет в своем письме к М.К. Морозовой в августе 1907 г. из Беатенберга: «...здесь проводит лето Мария Соломоновна Лунц с мужем, обстоятельство это, конечно, очень украшает нам жизнь. Мария Соломоновна пользуется пребыванием здесь, чтобы проходить со мной все мои последние произведения, чтобы представить их в Москве в настоящем свете. Последние мои вещи настолько сложны по настроению, что я рад возможности передать лично некоторые указания о их исполнении человеку талантливому и столь преданному искусству» [там же].

В 1909 г. в Москве образовался «кружок скрябинистов», в который входили: М.С. Неменова-Лунц, М.С. Могилевский, К.С. Сараджев, В.В. Держановский, А.Б. Гольденвейзер, М.Н. Мейчик, А.Б. Хесси, Э.А. Купер, Е.А. Бекман-Щербина и другие музыканты. Целью кружка была пропаганда музыкальных произведений Скрябина.

После внезапной смерти композитора возникло общество имени А.Н. Скрябина, ставившее целью пропаганду творчества и эстетико-философских идей великого музыканта. Общество организовывало лекции и вечера, посвященные Скрябину. 21 марта 1917 г. в Малом зале Московской консерватории выступил поэт К.Д. Бальмонт с лекцией «Светозвук в природе и световая симфония Скрябина», позднее опубликованное отдельной брошюрой. «...я приехал в Москву и здесь увидел Скрябина. Эта встреча навсегда сохранится в моей душе, как видение ослепительной музыкальности. Это было видение поющих, падающих лун. Музыкальных звучностей» [5, с. 22–23].

В 1902 г. Московскую консерваторию по классу А. Н. Скрябина окончила с золотой медалью М.С. Неменова-Лунц. Имя Марии Соломоновны занесено на мраморную доску выдающихся выпускников Московской консерватории. Творческий диапазон пианистки был обширен: она выступала в концертах как солистка и ансамблистка, исполняя репертуар разных эпох и стилей. С 1922 г. М.С. Неменова-Лунц была профессором Московской консерватории. Вела класс специального фортепиано, класс камерного ансамбля и класс художественного аккомпанемента.

С 1938 по 1943 гг. М.С. Неменова-Лунц была заведующей кафедрой общего фортепиано. С 1943 и до конца жизни – заведующая кафедрой концертмейстерского мастерства.

Творческие взгляды и отношение к природе фортепианного звука М.С. Неменовой-Лунц ярко демонстрируют страницы ее воспоминаний о профессоре А.Н. Скрябине: «Мне часто приходилось слышать от поклонников «сокрушительного пианизма» о недостатках силы у А.Н. Он, действительно, не обладал этим страшным fortissimo, но в исполнении его известную роль играла нелюбовь к чрезвычайной «материальной» звучности, и он всегда говорил в классе, что оглушительное forte все же должно быть мягким. «Этот аккорд должен звучать радостно-победным кликом, а тут точно с размахом неуклюжий комод на бок повалили», – сказал он как-то про одного неистового пианиста. Поразительное умение А.Н. схватывать общий дух не мешало ему с редкой настойчивостью и необычайной тща-

тельностью отделять мельчайшие детали и доводить нас до белого каления какой-нибудь, не удовлетворявшей его, в смысле звучности, ноты. Вообще же «звук» составлял его главную заботу. «Клавиши надо ласкать, а не тыкать с отвращением» – говорил он. В этой работе отыскания звука А.Н. был положительно неутомим. Заставляя нас бесконечное количество раз брать одну и ту же ноту, он точно отыскивал какую-то, ему одному слышимую, звучность, и как помогал он ее находить, часто одним удачным определением краски...» Не признавая «ритма без музыки», он заставлял осмысливать каждый формальный пассаж, сравнивая его с частью человеческой речи.

Все замечания были лаконичны: «Надо уметь извлекать звук из деревянного инструмента, как из сухой земли драгоценную руду...»

Исключительно интересны были указания Скрябина в области педали, которой он владел виртуозно [...] У А.Н. были свои определенные педали – «вибрирующая», «булавочная», «педальный туман» [6, с. 5, 8, 9].

«Скрябин был сильный духом, цельный, убежденный [...] Хрупкий на вид, Александр Николаевич отличался необыкновенной трудоспособностью, выносливостью. Титанические замыслы сочетались с простотой, детски ясной непосредственностью, открытой доверчивой душой, редким обаянием, привлекавшим к нему людей «разных планов» [6, с. 18, 13].

По воспоминаниям ученика Марии Соломоновны, пианиста и музыковеда М.А. Смирнова, заветы А.Н. Скрябина Неменова-Лунц воплотила и в своей педагогической работе: «занятия в классе Марии Соломоновны проходили в очень жизнерадостной, подчас веселой, именно артистической атмосфере [...] Много играла в классе. Поражало звучание инструмента, красота и одухотворенность тембра рояля, филигранность техники – особенно мелкой, пленительной, «жемчужной». Показывая студентам много упражнений, изобретенных Скрябиным для развития техники молодых музыкантов (одно из них – извлечение трезвучий и септаккордов с выделением тех или иных ступеней средствами различной динамики). В процессе концертмейстерской работы много работала с певцами, чрезвычайно внимательно относясь к произношению слова в вокальном произведении. Над

переводными текстами часто иронизировала: «Перевод – что муж: если верен – то некрасив. Если красив, то неверен» [там же]. Текст требовалось произносить в том же темпе, ритме, дыхании, которые были указаны композитором, чтобы пианист мог как бы петь с солистом. Аналогично советовала проигрывать на фортепиано партии скрипки, виолончели и других инструментов, чтобы пианист в ансамбле был «рулевым», а не просто гребцом.

Большую роль в формировании пианиста В. Горовица сыграла встреча в 1914 г. с А.Н. Скрябиным (организованная дядей В. Горовица, Александром Горовицем, учеником А.Н. Скрябина) во время его визита в Киев.

Заключение

Ознакомление с педагогической деятельностью А.Н. Скрябина необходимо для понимания особенностей индивидуального творческого облика композитора, который за короткий промежуток преподавательской деятельности в Московской консерватории вырастил поколение талантливых исполнителей, продолживших традиции его фортепианного искусства. В.И. Сафонов предвидел дар своего коллеги и способствовал выявлению педагогического потенциала начинающего исполнителя и композитора. «Хочется мне еще раз, хоть мысленно, обнять тебя за сегодняшнее исполнение и пожелать тебе дальнейших успехов», – писал он в одном из писем [7, с. 22]. Пристальное изучение переписки мастера позволяет выявить специфику его отношения к процессу обучения, свидетельствует об ответственности и увлеченности успехами своих учеников.

Список литературы

1. А.Н. Скрябин. Письма. М.: Музыка, 2003. 720 с.
2. Письма А.Н. Скрябина в фондах Государственного мемориального музея А.Н. Скрябина. СПб., 2010. 119 с.
3. Ястребцев В.В. Римский-Корсаков. Воспоминания. М.: Государственное музыкальное издательство, 1960. Т. II. 764 с.
4. Нежданова А.В. Материалы и исследования. М.: Искусство, 1967. 543 с.
5. Бальмонт К.Д. Светозвук в природе и световая симфония Скрябина. М., 1917. 24 с.
6. Неменова-Лунц М.С. Отрывки из воспоминаний об А.Н. Скрябине. Петроград: тип. Сириус, 1916. 14 с.
7. Письма А.Н. Скрябину: в фондах Государственного мемориального музея А.Н. Скрябина. СПб., 2010. 120 с.